

с византийской живописью позднекомниновского и раннепалеологовского периодов. Коллеги из Ливанского университета в Бейруте представили исследование по архитектуре и живописи этого региона. Анис Шаайа проанализировал несколько примеров сохранения и трансформации византийских традиций в градостроительстве, архитектуре и изобразительном искусстве Леванта при Омейядах. Доклад Нады Хелу был посвящен атрибуции недавно расчищенных фресок в храме Св. Фоки в Амиуне. Исследования по армянскому искусству были представлены докладами о книжной миниатюре Левона Чугасяна (Ереванский государственный университет, Ереван) об иконографии Страшного суда, Микаэла Аракеляна (Фонд развития восточнохристианских исследований «Четыре реки», Москва) об иконографии «Заступничество» и Сейрануш Манукян (Ереванский государственный университет, Ереван) об интерпретации византийских традиций в киликийских рукописях.

Древнерусскую часть открыло выступление С.В. Свердловой (ГТГ, Москва), представившей результаты недавних технико-технологических исследований иконы «Спас Нерукотворный. Прославление Креста» из Третьяковской галереи. Проблемы выделения различных стилистических тенденций, соотношения византийских и местных традиций осветили в своих выступлениях Л.И. Лифшиц (ГИИ, Москва) на материале искусства конца XII — первой трети XIII в. и Э.С. Смирнова (ГИИ; МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) на примере новгородских миниатюр и икон первой половины XIV в. И.А. Шалина (ГРМ, Санкт-Петербург) в докладе об иконе «Чудо св. Георгия о змие, с житием» из собрания М.П. Погодина рассмотрела важнейшие особенности иконографии и стиля этой иконы, выявив несомненные связи этого произведения с искусством латинского Запада. Атрибуции произведений древнерусского искусства XV и XVI в. были посвящены доклады И.А. Стерлиговой и Е.Я. Остащенко (Музеи Московского Кремля, Москва) о группе рельефов слоновой кости из Ватикана, созданных в Москве до 1437 г., и Е.М. Саенковой (ГТГ, Москва) об иконе «Отрыгну сердце мое слово благо» из Третьяковской галереи.

В конференции приняли участие почти все ведущие отечественные специалисты по искусству Византии, Христианского Востока и Древней Руси, а также многие молодые ученые. Иностранные научные школы тоже были довольно широко представлены коллегами из Греции, Италии, Франции, США, Армении и Ливана.

Многие доклады показали, что углубленное исследование произведений искусства вполне позволяет выявить индивидуальность мастеров и заказчиков и охарактеризовать ее с разных точек зрения, таких как художественные предпочтения, богословские взгляды или идеологические установки, политические ориентиры, национальные или региональные традиции, социально-экономические условия и др. В отдельных случаях удается даже проследить рождение и развитие новых художественных идей или крупных течений благодаря инициативе конкретных людей, чьи имена не всегда известны. В других случаях можно обнаружить достаточную гибкость и вариативность тех традиций, в рамках которых было возможно проявление индивидуального начала.

Сфокусировав внимание на этих вопросах, участники конференции внесли свой вклад в понимание тех механизмов, от которых зависела жизнь искусства византийского мира.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

А.В. Захарова — МГУ им. М.В. Ломоносова; Государственный институт искусствознания, Москва.
zakharova@inbox.ru

АУТОР

Anna V. Zakharova — Lomonosov Moscow State University; State Institute for Art Studies, Moscow.
zakharova@inbox.ru

Л.А. Беляев, Л.И. Лифшиц

Государственный институт искусствознания, Институт археологии РАН: Совместная конференция «Искусство и археология»

4 декабря 2018 г. «на Козицком» прошла однодневная конференция, организованная Сектором древнерусского искусства ГИИ и Отделом Московской Руси ИА РАН (при участии Центра палеоискусства и других отделов). На конференции было заслушано и обсуждено 16 докладов, довольно пестрых по составу, но объединенных общей потребностью углубить понимание всего исследовательского процесса в области древнего искусства. Особых ограничений по хронологии или географии организаторы (Л.А. Беляев, Л.И. Лифшиц) не ставили, однако в силу направленности их научных подразделений основная масса докладов (а именно 13) была связана с древнерусским искусством, и только два затрагивали область изобразительной деятельности в дописьменный период истории.

Программа конференции не строилась на привычном демонстрировании успехов археологии, внесении ею всё новых артефактов и источников для изучения искусства. Не главным представлялось и обращение археологии в методический инструмент вивисекции объектов искусства, от книжных переплетов и мебели до фресок и икон. Участников интересовало то общее и различное, что присуще обеим дисциплинам в видении, в подходах, в ментальном препарировании арт-объектов. Как важный и новый пункт в дискурсе искусствознания выдвигалась гипотеза о рождении современного искусства в ходе археологического полевого эксперимента (привычно именуемого «раскопками»). Наряду с этим привлекалось внимание к малопонятному процессу превращения «простых» находок в художественные памятники, в том числе посредством присущей археологии промоутерской деятельности. Предлагались

к рассмотрению принципы интерпретации формообразования, в том числе: допустимость этнографического подхода к древнему искусству; эффекты от применения естественно-научных методик; искажение аналитического зрения при работе с отреставрированными объектами и опосредованное воздействие методик реставрации на художественную оценку; возможность научного, невкусового видения произведений искусства (особенно искусства давно прошедших эпох).

Таким образом, конференция была задумана во многом как обсуждение вопросов теории научного метода, можно сказать — проблем гносеологии в области изучения искусства. Справиться с этим, разумеется, сложно в течение двух заседаний. Да не то что справиться, внятно сформулировать всё это нелегко. Поэтому трудно оценить конференцию как успех или неудачу — многое будет зависеть от дальнейшего развития проблематики. Но можно утверждать, что контуры новой ветви теоретического исследования начали постепенно проступать сквозь излишне ясный абрис конкретно-исторических тематик.

Л.И. Лифшиц, во вступительном слове и, далее, в докладе «Стратиграфия как метод искусствоведческого анализа» (в названии которого применен эвфемизм, апеллирующий к терминологическому арсеналу археологии и геологии) поставил вопрос о возможности и даже необходимости развития «интуитивной оценки», своего рода сверхчувственного знания (чувственного сверхзнания?), которое со временем становится имманентно присущим упорно работающему исследователю. В этом, по крайней мере частичном, обращении к вельфлинговскому Знатоку искусства чувствуется неполная удовлетворенность принятыми в искусствознании методами интерпретации и потребность вернуть приемам знаточеской атрибуции те свойства неоспоримой объективности, пусть не определяемой через четкие формулы, которые уже в XX в. оказались под большим сомнением как для древнерусской иконописи, так и, скажем, для русского авангарда.

В открывающем докладе «Археология как искусство: традиционные и концептуальные формы индуцированной художественной деятельности» Л.А. Беляев, уже не в первый раз, обратился к проблеме границ (точнее — их отсутствия) между археологией, искусством и искусствознанием как большими самостоятельными областями культуры человечества, внутри которой они образуют не всегда очевидный симбиоз, отнюдь не помещающийся целиком в рамки понятия «наука» (для искусства это само собой разумеется, но для двух его спутников — нет). Им (тоже не в первый раз) были сформулированы исследовательские темы дальнейшего развития, представлен конкретный материал и вопросы для разработки.

Особым стал доклад ученых, изучающих изображения, оставленные нашими далекими предками в «каменном», «бронзовом» и «железном» веках. Дело в том, что в замысле конференции существенная роль отводилась серии сообщений, которую готовила Екатерина Георгиевна Дэвлет, лидер изучения палеоискусства в современной России. Ее безвременная кончина заставила сменить формат, превратив «подсекцию Древнего мира» ИА РАН в коллектив-

ный доклад, посвященный ее памяти, представленный близкими сотрудниками, продолжающими начатые исследования, — Е.С. Левановой и Г.Г. Король («Прочерченная жизнь: искусство видеть историю в камне»). В нем были показаны не только научные достижения Е.Г. Дэвлет, но проанализирован исследовательский почерк, включающий заметный элемент фантазии в интерпретациях, склонность к мифологизму, фольклору — наряду со стремлением выработать новые, максимально продвинутые и специально заточенные на анализ материальной среды древних материалов естественно-научные методы. К этому докладу следует добавить изящное эссе известного исследователя искусства Евразии Е.В. Переводчиковой «Археологи, искусствоведы и скифский звериный стиль», в котором разница «музейного», близкого к искусствоведческому, подхода к древнему искусству и археолого-типологического методов оказывается на уровне разницы в усвоенной терминологии, а в остальном просто отсутствует.

Значительный блок докладов собрали специалисты по архитектурной археологии. В отношении творческой работы, пребывания в едином для науки и искусства пространстве, а также самоощущения и сотрудничества ученых и художников (в данном случае — архитекторов) камертоном прозвучало выступление сплоченной группы (хочется сказать: группы мастеров) М.В. Вдовиченко, Ю.С. Фомичевой и Е.Н. Пророкова, доклад которых имел многозначительное название «Зодчий под землей: практика и теория археологии в искусстве архитектора».

Конкретно-исторические исследования по архитектурно-художественной археологии, включавшие частично и темы иконографии, возглавил доклад А.Л. Баталова «Архитектурная деталь как основание для датировки: новые представления о соборе Воскресенского монастыря», опубликованный в виде статьи в этом сборнике.

В тот же блок следует включить представления результатов классических архитектурно-археологических работ другими лидерами направления — А.Ю. Казаряном («Археологическая стратиграфия и реконструкция порталов двух армянских храмов Восточного Крыма») и В.Вл. Седовым «Недавние наблюдения в Боголюбове». В разделе «Новые данные натуральных исследований в ходе реставрации» исключительно значимы материалы самых свежих (2018 г.) раскрытий в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря (в докладе Г.С. Евдокимова, Е.И. Рузаевой) и в Успенском соборе Московского Кремля (в докладе А.Г. Баркова). Работы в Кремле принесли яркие находки ранее неизвестных фрагментов монументальной живописи. До известной степени к этому блоку можно отнести тонко продуманный доклад Т.Ю. Царевской «Фреска „Богоматерь с Младенцем на троне“, 1466 г., из новгородского Софийского собора: особенности иконографии и расположения в храмовом пространстве», показывающий возможности работы над иконографией при использовании «археологии пространства».

Традиционное направление ре-интерпретации давно знакомых элементов малых форм и скульптуры, связанных с памятниками зодчества, было

представлено выступлением М.А. Орловой, проанализировавшей один из мотивов резьбы Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (памятника, до сих пор во многом мало понятного, оставляющего место для новых гипотез) и совместным докладом Ю.В. Тарабариной и Л.А. Беляева «Белокаменная подставка vs архитектурная деталь. К вопросу об атрибуции сполыи из раскопок Казанского собора на Красной площади», основу которого составил подбор аналогов для не вполне понятной детали, вероятно, относившейся к убранству Казанского собора в его первоначальном виде 1636 г. (к фасаду или к интерьеру — остается неясным).

Существенным является включение в дискуссию вопроса о принципах атрибуционно-музейного, фундаментально-научного подхода и противоречащих им самостоятельных археологических «штудий», изобилующих случайными аналогиями, необоснованными гипотезами, страдающих от неполноты привлекаемых источников (и даже, подчас, историографии). В докладе И.А. Стерлиговой «Значение золотых предметов из кладов для истории древнерусского искусства» эта проблема была поставлена с давно желаемой ясностью, показавшей разительную разницу между творческим, родственным самому искусству методом ученого и смутной фантазией при анализе памятников художественного ремесла.

Гораздо увереннее чувствуют себя археологи-искусствоведы при работе с материалами прикладного искусства, полученными при раскопках (доклад «Предметы прикладного искусства из раскопок Великого Новгорода и Пскова в контексте светской культуры Древней Руси» (доклад А.А. Слапини). Возможности исследования в области «художественной археологии» исключительно велики и позволяют обращаться к интерпретации очень мало затронутых (если вообще воспринимаемых) до сих пор в российской литературе по истории искусства областей, таких, например, как типовое коммерческое и фольклорное искусство в погребальном обряде, хороший пример чего представляла работа Е.Е. Васильевой «Погребальное искусство XIX века: декор деревянных гробов».

Эта макабрическая нота (часто очень уместная там, где речь идет об археологии) не бросает, однако, мрачной тени на саму дискуссию. По мнению многих участников, короткая конференция открыла совершенно неожиданные перспективы дальнейшей исследовательской работы. Она приоткрыла те закоулки творческого сознания, в которые, за массой каждодневной и все растущей работы, не всегда находишь достаточно досуга, желания, а то и смелости заглянуть.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Л.А. Беляев — ИА РАН, Москва. labeliaev@bk.ru

Л.И. Лифшиц — ГИИ, Москва. l.i.lifshits@gmail.com

AUTHORS

Leonid A. Beliaev — Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow. labeliaev@bk.ru

Lev I. Lifshits — State Institute for Art Studies, Moscow. l.i.lifshits@gmail.com

Лазаревские чтения 5–6 февраля 2019 года

5–6 февраля 2019 г. на историческом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова состоялась ежегодная Всероссийская научная конференция «Лазаревские чтения», организуемая кафедрой всеобщей истории искусства в память о члене-корреспонденте АН СССР Викторе Никитиче Лазареве (1897–1976) — выдающемся историке искусства, специалисте в области живописи Византии, Древней Руси и Италии эпохи Возрождения, профессоре Московского университета и основателе университетской школы изучения искусства византийского мира. В этом году Лазаревские чтения проводились в сорок третий раз.

По установившемуся обычаю первый день конференции был посвящен проблемам искусства Византии и средневековой Руси, которые неизменно привлекали внимание В.Н. Лазарева, а второй — вопросам, связанным с классическим искусством Запада. Утреннее заседание первого дня было открыто Э.С. Смирновой, напомнившей о длительной традиции проведения Лазаревских чтений, сообщившей о недавнем выходе сборника их материалов за 2013 г. и напомнившей об утратах, понесенных сообществом историков искусства в прошлом году. Присутствующие почтили память профессоров исторического факультета И.И. Тучкова и М.М. Алленова.

Первый из выступавших, С.А. Иванов (НИУ ВШЭ), сделал доклад под интригующим названием «Византийский поцелуй». Отметив, что современная византистика, в отличие от других исторических дисциплин, почти не разрабатывает тему невербальной коммуникации, докладчик описал те — в основном церемониальные — ситуации, в контексте которых поцелуй фигурирует в византийских источниках. С.А. Иванов показал многозначность и неустойчивость терминов, с помощью которых византийцы описывали поцелуй, и обратил внимание аудитории на контраст между многочисленностью его упоминаний и требующим объяснения отсутствием соответствующего мотива в византийской изобразительной традиции (вместо поцелуя в буквальном смысле слова обычно изображаются объятия и соприкосновение лиц).

Среди прочих сообщений, касавшихся собственно истории искусства, выделялась целая серия докладов о раннехристианских и ранневизантийских памятниках, свидетельствующая об актуальности этой тематики и в том числе проблемы позднеантичных корней христианского искусства. А.Е. Меденникова (аспирант исторического факультета МГУ) в своем сообщении «Изображения человека в архитектуре. Искусство раннехристианского периода» систематизировала варианты взаимодействия архитектурных мотивов и антропоморфных образов в искусстве Рима, раннехристианских и древнейших византийских памятниках. На примере римских росписей, произведений